

КРЕМЛЬ ПОДНИМАЕТ ЗНАМЯ КОНСЕРВАТИЗМА¹

П. Сквечинский

Путин совершает поворот в сторону христианства и традиционализма. Искренне ли? Неважно. Важнее то, насколько эта тенденция будет устойчивой.

Еще совсем недавно идеологией российских руководителей было... отсутствие идеологии. Более того, они противились любого рода идеологической конкретизации. Путинцев критиковали за это националисты, называя их циниками, которых заботит только личное обогащение. Эту оценку разделяли с националистами их смертельные враги — российские либеральные демократы.

Многое указывало на то, что данная оценка была справедливой. Бывший польский дипломат Витольд Юраш (Witold Jurasz) вспоминает, как работая секретарем в нашем московском посольстве, он встретился с известным российским интеллектуалом, политологом и политтехнологом, который был тогда основным советником Путина.

Юраш пишет, что он спросил сановника, каков на самом деле Владимир Путин в глубине души. «Собеседник посмотрел на меня со смесью презрения и иронии, а потом пробурчал: «Ты что, еще один п... из Евросоюза, на ... тебе это знать? Смотри, что Россия делает, и пиши шифровки, а в душу не лезь, а то вдруг ее там нет». Мы разговаривали в холе гостиной после какого-то приема, перед входом стояла вереница «Бентли» и «Мерседесов» класса S. Мой собеседник показал на них и произнес: «Вот наша идеология»».

СРОЧНО НУЖНА ИДЕЯ

И так продолжалось до того момента, когда разразился политический кризис, начало которому положили сопровождавшиеся подтасовками выборы 2011 году в Думу: бунт московской интеллигенции, уличные манифестации, потом следующие выборы — президентские, снова манифестации и, наконец, затухание протеста.

Этот кризис наглядно показал российским руководителям, что даже если на самом деле их не интересует ничего, кроме состояния банковских счетов, без идеологии обойтись не удастся.

Вызов, с которым им пришлось столкнуться, носил исключительно идеологический характер. Демонстранты, которые вышли на улицы Москвы и Петербурга, требовали внедрения в жизнь ценностей,

ассоциирующихся с Западом, а лидеры, претендующие на роль предводителей оппозиции, были по большей части западниками и либералами — конфликтующими, но согласными между собой в вопросе о том, что в России должны быть введены западные порядки. Не только в смысле политической демократии, но и в культурном плане.

Более того, значительное число активистов этой оппозиции, преисполненных радикализмом и идейностью (напоминающими радикализм и идейность левой антицарской оппозиции перед 1917 годом), выступают за крайнюю модель западных порядков. Здесь можно вспомнить дело Pussy Riot — девушек из панк-группы, которые проникли на алтарь главной святыни российского православия, храма Христа Спасителя, и исполнили там полную нецензурной лексики политическую песню.

Можно вспомнить и презрение, с которым московские либеральные элиты отнеслись к миллионам россиян, которые в 2011 пришли поклониться святейшей православной реликвии — поясу Богородицы.

И что, пожалуй, не менее важно, все это происходило при поддержке Запада — западных СМИ, некоммерческих организаций, парламентов и правительств. Существенной и важной была материальная западная помощь, которая шла через упомянутые организации. Не менее важной была и медийно-пропагандистская поддержка, которая подлила масла в огонь тлеющего российско-западного конфликта. Ведь Запад — это торжество «прогресса»...

Российское «безыдейное» руководство внезапно ощутило потребность доказать свое право на власть. Если искать параллели в польской истории, ситуация несколько напоминала проблему правящей партии после смерти Пилсудского. Было непонятно, чем обосновать свое пребывание у власти. А на правом фланге тем временем существовали ребята национально-радикального лагеря, почему бы не перенять их идеологию...

В итоге в Кремле было принято решение: поворачиваем в сторону консерватизма. Эта идеология даст оружие для борьбы с западной религией прав человека и в целом поможет отличаться от Запада, а, возможно, и приобрести там союзников (правящие Кремлем элиты отлично помнят, какой неоценимой помощью были для СССР западные коммунисты).

К этой идее обращались и раньше. Уже с 90-х российские власти, замечая моральный кризис общества, причиной которого послужили как 70 лет

¹ Источник: <http://www.wsieci.pl/aktualne-wydanie-sieci.html>

коммунизма, так и его крах, ставили на церковь как на единственный фактор, который способен сплотить россиян вокруг каких-нибудь ценностей. В последние годы, как писал на страницах *W Sieci* Гжегор Гурны (Grzegorz Górny), российский посол был единственным дипломатом, который демонстративно лично следил за ходом процесса в Страсбургском суде по поводу права демонстрации распятия в публичных местах. Однако решение, что Россия примет полномасштабный курс на консерватизм, было принято лишь недавно — в прошлом году.

ПРОТИВ МРАКА

С того момента этот курс становился все более отчетливым от месяца к месяцу. Отдельные города и регионы принимали законы против «пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних» (по которым можно, в сущности, наказать любого гея, который публично демонстрирует свою ориентацию). Западные гей-активисты начали попадать под арест. Аналогичные нормы были разработаны и внедрены на федеральном уровне.

Появился закон, вводящий наказание за оскорбление чувств верующих и осквернение святынь. Несколько недель назад был введен запрет на рекламу абортот (сами аборты настолько срослись с российским образом жизни, что власти пока не решились их запретить, однако, ключевое слово здесь — «пока»).

Начаты работы по внесению в Конституцию «православных ценностей»; еще более рьяно, чем прежде стало демонстрироваться единство трона и алтаря — Кремля и патриархии. В свою очередь, во время кризиса на Украине Россия и симпатизирующие ей украинские политики активно эксплуатировали мировоззренческую тему: в этом дискурсе Киев должен совершить выбор между западным Содомом и Россией — миром традиционных ценностей.

А в декабре президент Путин выступил с фундаментальной речью перед членами обеих палат парламента. Он заявил, что Россия претендует на роль международного лидера, но не будет учить другие народы, как им жить (то есть, не станет поступать, как США).

«Сегодня во многих странах пересматриваются нормы морали и нравственности. От общества теперь требуют не только здравого признания права каждого на свободу совести, политических взглядов и частной жизни, но и обязательного признания равноценности, как это не покажется странным, добра и зла», — говорил кремлевский правитель. И подчеркивал: «Подобное разрушение традиционных ценностей «сверху» не только ведет за собой негативные

последствия для обществ, но и в корне антидемократично, поскольку проводится в жизнь исходя из абстрактных, отвлеченных идей, вопреки воле народного большинства, которое не принимает происходящей перемены и предлагаемой ревизии».

Путин предупредил, что Россия не станет смотреть на эти процессы равнодушно. Сейчас, когда в мире зло перемешивается с добром, по мнению президента, возрастает роль его страны, которая последовательно защищает систему своих традиционных ценностей. Предназначение России, по мнению Путина, — нести знамя культурной войны, защищая классическую форму существования общества, поскольку великие российские история и культура дали ей «многовековой опыт не так называемой толерантности, бесполой и бесплодной, а именно совместной, органичной жизни разных народов в рамках одного единого государства».

Путин расставил точки над «i» и подчеркнул, что «в мире все больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа: ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной». Он подкрепил эти слова цитатой из философа Николая Бердяева (который в 20-е годы был изгнан из страны большевиками), подчеркивавшего, что консерватизм заключается не в препятствовании движению вперед и вверх, а в препятствовании движению назад и вниз, а также возвращению к первобытному состоянию.

Прошу читателей простить меня за эти длинные цитаты, но они необходимы для понимания того, что консервативный поворот, совершаемый командой Путина, совершенно конкретен.

ПОТЕНЦИАЛ ЕСТЬ

Все это ставит польских консерваторов в сложное положение. С одной стороны, Путин плохой, Россия тоже, но с другой, они делают очевидно хорошие вещи, даже если стиль их действий нам не нравится, думают многие.

Публицист Филип Мемхес в любопытной статье, которая была опубликована в *Rzeczpospolita*, решает проблему оригинальным образом, выставляя ее в некотором роде несуществующей.

По мнению Мемхеса, все это не следует воспринимать всерьез, поскольку Путин и его чекистское окружение не вполне честны. Они выступают против абортов, исходя не из моральных, а из демографических соображений. И в целом «под путинским консерватизмом скрывается популизм, исходящий

из убежденности, что подавляющая часть российского общества не способна «переварить» этические новинки вроде общественного одобрения гомосексуализма. Здесь недостает предъявления моральных требований, в связи с чем вместо серьезного выбора между добром и злом на первый план выходит биология: казарменный менталитет крепких парней, которые, руководствуясь инстинктами, не признают отклонения от нормы. Такой консерватизм можно назвать поверхностным и утилитарным. Поэтому у него нет будущего».

Я не знаю, сколько искренности в новой линии Путина. Но даже если она совершенно цинична, Мемхес, как мне кажется, в любом случае неправ, недооценивая ее.

С политической точки зрения существенен не вопрос не о том, насколько искренна эта концепция, а как долго и насколько последовательно она будет претворяться в жизнь. А если она будет последовательной, то принесет свои плоды, даже если была избрана из циничных побуждений.

Оставим в стороне рассуждения о том, чем руководствовался князь Мешко, решив принять христианство: религиозным импульсом или трезвым политическим расчетом и желанием укрепить свою власть. Важнее нечто другое.

Обратите внимание: Россия — не единственное постсоветское государство, которым управляют бывшие коммунистические элиты. Это люди из бывшей КПСС, которые очень похожи на Путина и его окружение. Так происходит, например, в большинстве стран некогда советской Средней Азии. Там тоже правят бывшие партийцы и комсомольцы. И можно предположить, что в приняв в определенный момент решение повернуть на курс исламизации, они руководствовались не искренней верой в Аллаха.

Ведь они были советскими партийными атеистами, для которых ислам был таким же чуждым явлением, как православие для Путина. Ими двигал политический расчет.

Но что с того? Последовательная исламская линия политики изменила функционирование общества: новые поколения детей и молодежи воспитывались все больше в ее русле. В итоге эти страны стали по-настоящему исламскими, хотя в начале всего процесса и лежал политический расчет.

Похожий сценарий возможен и в России. «Трендсеттеры» из московской и петербургской интеллигенции остаются западниками, и это в ближайшее время не изменится, однако даже в этих городах они составляют лишь часть общества, а помимо столиц существует еще вся страна. Российский образ жизни

имеет мало общего с воплощением в жизнь каких-либо консервативных образцов, одновременно большое число россиян с недоверием относится к этическим новинкам. Они, например, решительно не принимают гомосексуалистов (слово «п. . .» служит популярным ругательством, а подозрение в гомосексуальной ориентации — болезненное оскорбление для мужчины). Большинство россиян, даже если они не ходят в церковь, считают себя православными по принципу «я русский, значит, православный».

Этот образ далек от мифического рая из каких-нибудь древнерусских легенд. Между тем, сложно отрицать, что некоторый потенциал для консервативного поворота между Смоленском и Владивостоком (по крайней мере, теоретически) существует. Так что не стоит недооценивать как возможность этого поворота, так и последующие перемены в российском обществе.

СПАСИТЕЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

Эту перспективу не стоит недооценивать еще и потому, что решение российского руководства принять консервативный курс — хорошая новость для Польши. По крайней мере, по двум причинам.

Во-первых, оно предвещает перманентный конфликт Москвы с секуляризированным Западом. В существующих реалиях, когда ценности радикального либерализма и прогрессивистского понимания прав человека стали для Запада суррогатом религии, такой выбор Кремля осложнит взаимопонимание. В том числе взаимопонимание ценой Польши. Западные политики станут внимательнее прислушиваться к нашим предостережениям на тему Москвы, если та станет центром чего-то, то будет восприниматься как «консервативная империя зла».

Самая неблагоприятная для Польши ситуация сложилась бы в случае, если бы Восток решил с рвением неопита внедрять у себя западные культурные образцы. В качестве лидера западной религии он мог бы рассчитывать на согласие восхищенных западных тузов идти на требуемые взамен уступки, в том числе на территории Центральной Европы. Нынешний путинский поворот делает такой ход событий невозможным.

И, во-вторых, культурное разнообразие на нашем континенте выглядит для нас просто спасительным. Оно означает снижение давления, которому мы подвергаемся, и охлаждение брюссельского пыла в навязывании всем странам Евросоюза образцов радикального секуляризма.

И тот факт, что в России установилась суровая диктатура, совершенно ничего не меняет.